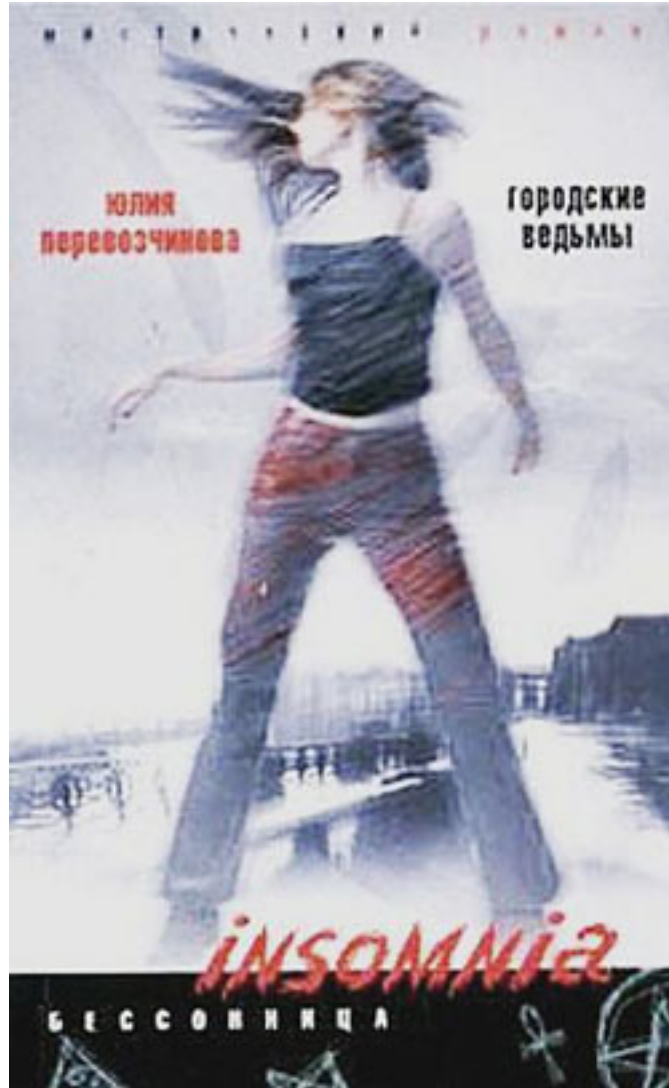

М И С Т Р У С Т В Е Н Н А Я Д У Х А

ЮЛИЯ
ПЕРЕВОЗЧИНОВА

ГОРОДСКИЕ
ВЕДЬМЫ

INSOMNIA

БЕССОНИЦА

Юлия Перевозчикова

Городские ведьмы

«Центрполиграф»

Перевозчикова Ю.

Городские ведьмы / Ю. Перевозчикова — «Центрполиграф»,

Отчего женщина может стать ведьмой? От чего угодно! От счастливой любви, от несчастной любви, от нереализованности... Причин много. А еще может родиться ведьмой, и мир магии будет с каждым днем втягивать ее все сильнее, неотвратимо разлучая с миром реальным. И вот взмахнули антрацитовые крылья ворона, и новая жизнь лежит перед тобой, желанная и неизведанная.

© Перевозчикова Ю.

© Центрполиграф

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юлия Перевозчикова

Городские ведьмы

Глава первая

Вечер ведьмы

Таня Вешкина сидела на крыше. Телевизионщики уехали, дверь на чердак закрыть и не подумали, беспечно бросив ключ в рассыпающееся от ржавчины дырявое ведро, забытое кем-то из работников ЖЭКа на чердаке еще во времена последнего ремонта. Значит, можно не бояться засидеться на крыше дольше, чем хочется. Сама открыла «нежилое помещение», сама и закроешь. Под конец съемки ее суматошная подруга Юля попыталась утащить ее с собой, но удалось отбиться. На крыше было хорошо. Видно, как заходящее солнце золотит купол Исаакия, по небу медленно протекают треугольники гусиных стай. Редкий день. Особенно в середине осени.

Вообще-то идея была дурацкой. Сюжет у Юльки все равно не примут. Получится конечно же красиво. Юля и ее муж оператор Кирилл – люди талантливые. А что толку! Кто в наше время пропустит на телевидение историю про ведьму? Особенно в серии «Женские портреты». Нет такой профессии – ведьма. Все мы – шарлатаны и обманщики. После Кашпировского с Чумаком просто тема для анекдотов. Можно еще показать сюжет в стиле: магия и ее разоблачение. Но чтобы сделать ведьму героиней, да еще и положительной... Нонсенс... М-да... Юльку жалко, горит, идеи генерирует... Идеи, конечно, не пропадут... Время придет, их оценят... Не скоро, конечно, но обязательно. Однако оказаться под самым небом в такой день – удача.

Таня настроилась на пролетающую стаю гусей. Вот он, вожак! Сразу же ощутила упругое сопротивление воздуха и усталость крыльев. Есть хотелось, и беспокоила предстоящая стоянка. Сесть надо было до темноты. И опять крыша. Таня встряхнулась. Интересно, где же сядут гуси? По ощущению, где-то в лесу на болоте. Между прочим, по ее, Таниным, наблюдениям, представление романтиков о счастье полета сильно преувеличено. Гусь, например, здорово устал. Отмахал он сегодня не мало, не одну сотню километров. С вороной летать намного легче: ворона чаще планирует и летает-то не очень далеко. Городская ворона – птица практичная, вот вороны – другое дело! Могут кувыряться в небе, крутить «бочки»... Таня видела, какие чудеса «высшего пилотажа» могут выдавать эти смоляные птицы. Вороны... Ладно, хватит. Небо понемногу начало синеть, а ветер чувствительно пощипывать через пончо.

«Пора слезать, налеталась». Таня осторожно спустилась к слуховому окну, встала на корточки и, мысленно ругая слишком узкую и длинную юбку, извиваясь, пролезла в отверстие слухового окна, стараясь ничего на себе не порвать. Получилось. Вычурная одежда, которую Юлька придирчиво выбрала из ее гардероба и заставила нацепить для создания образа, уцелела. Около входной двери, невдалеке от дырявого ведра, нашла висячий замок от чердака. Выдула песок из отверстия. Немного повозилась с тугим, плохо смазанным механизмом. Все, закрыла. Ключи надо отдать общему с другой подругой Натальей приятелю Сашке Лютову. Точнее, Наталье он был не друг и не приятель, а любимый мужчина. «Хахаль», как она его называла. А также – «орел и ухарь». Александр Лютов этим прозвищам вполне соответствовал. Бывший военный разведчик, а ныне скромный труженик морских глубин – океанолог – с недавнего времени проживал в этом доме и уже имел ключи и отмычки от всех подсобных помещений. Даже если бы не имел, с его помощью можно было бы просочиться куда угодно. Хоть в Пентагон. Таня спустилась на четвертый этаж и позвонила в дверь.

Дверь открылась – так быстро, как будто Сашка стоял за нею и ждал Таниного звонка. Был он при параде. Стильная рубашка и хорошие, слегка помятые, как все вещи, только что вытащенные из шкафа, джинсы. От Сашки вкусно и дорого пахло Францией. Как все ловеласы, Александр Лютов знал толк в хороших запахах! Да, видный мужик, высокий, стройный, еще вдобавок с тем неуловимым звериным обаянием, которое так ценят женщины. Точно орел! Не зря бедная Наталья Сажина десять лет тому назад потеряла голову, да так и не нашла. Где-то в роду у этой «гордой птицы» затесалась малая народность «манси», и потому шарм у бывшего разведчика Лютова какой-то немного азиатский, притом, что раскосые глаза серо-зеленого цвета, а волосы русые. Красавец, одним словом. Правда, большинство дам, охмуренных океанологом, сбегали от него, пугаясь совершенно невыносимого орлиного нрава, на что Сашка не раз жаловался, но скорее лукавил. Его такое положение дел вполне устраивало. Легкие романы надоедали быстро. Сходить налево и вернуться, не слишком зависая в отношениях и не прилагая особых усилий, чтобы их прервать, – мечта многих. Океанологу удалось сделать ее реальностью. И потом, у Лютова была Наталья. Которая хоть и давала герою «прикурить», но любила беззаветно. Всякого. Как трепетная героиня «Механического пианино» своего «Мишеньку Платонова». Верная индейская скво. Сольвейг для современного непутевого Пера Гюнта. Совершенно книжная женщина, правда, иногда невыносимо-нервная, скорей всего, от неподъемной любви к переменчивому Сашке.

Где-то в районе мозжечка Саня понимал, что такими чувствами не бросаются, и старался, чтобы отголоски его походов до Натальи не долетали. Получалось не всегда. Лютов сам ухитрялся сводить на нет все усилия по конспирации, поскольку разведчика частенько пробивало пооткровенничать под пьяную лавочку. Ни к чему хорошему эти разговоры не приводили... Жили они по отдельности, и, надо заметить, это здорово способствовало продолжительности их отношений, рекордной для обоих.

– Ну что, насиделась? Может, чайку попьем? – спросил Сашка, завлекательно двигая бровями. Подразумевался, естественно, не только чай.

– Нет, Санечка, не могу, я – домой, меня Гошка ждет.

Таня хорошо знала, что будет, если она останется у Сашки – абсолютно ничего крамольного. Они по-приятельски напьются и будут мыть кости ее подруге. Лютов и Наталья опять поругались, и Александр не прочь воспользоваться случаем, что называется, «слить говно», как любит выражаться эта парочка. Совсем недавно так делала Наталья, и вторую порцию Татьяне было не потянуть. Да и не хотелось после осеннего неба влезать в готический лабиринт этой бесконечной любовной истории. Заблудиться – пара пустяков. Как-то на пике своего романа парочка ухитрилась зачать и родить сына Федьку, но и тогда оформлять отношения не стали. Остались любовниками. Видимо, не хотели разрушать романтизм отношений, давно граничащий с абсурдом. Лютов, правда, как благородный человек и отец-герой, настоял, чтобы отцовство было зафиксировано официально, и дал Федору свою сибирскую фамилию. Но Наталья высказала подозрения, что сделано это было из соображений безопасности, чтобы в случае чего занять на сынишку законные и неоспоримые права, чем здорово снизила пафос поступка любимого. Она, к удивлению окружающих, даже вяло сопротивлялась превращению Федьки из «бастарда» в законного наследника, поскольку рассчитывала на пособие одинокой матери. Вообще-то Сашка ждал девочку, но сыну тоже очень обрадовался. Федечка оказался на редкость мудрым ребенком и проявлял к родителям снисходительность. Как к сверстникам, а может, и более того. Вообще пока маленький мальчик олицетворял разумное начало в совершенно неразумной семье, но иногда даже наличие Федора не могло удержать его родителей от глупостей. Совсем недавно их бурные отношения чуть не утопили одного из участников «рокового» союза. Наталью. Лютов позвонил Татьяне севшим голосом, в котором слышалась паника, сообщил, что Наташка попала в больницу. «Все очень плохо, срочно приезжай! У нее температура за сорок, осложнения.

Лежит, бредит». «После чего осложнение?» – забеспокоилась Таня, хотя сама уже начала догадываться, в чем дело. «После аборта, – зло выдавил Сашка. – Так что, приедешь?» «Говори, куда», – сказала Татьяна, на ходу забрасывая в сумку нужные травы из распахнутого настезь отделения в стенке. Сашка назвал лечебное учреждение и палату. Когда она приехала, бывший разведчик маялся в коридоре, растерянный и неприкаянный.

– Ну, – спросила Таня. – Как она?

– Все так же, загляни – сама увидишь. Колют, капельницы ставят, а лучше не становится.

В небольшой четырехместной палате с крашенными в стандартный «больничный» бледно-зеленый цвет стенами было особенно нехорошо. Помимо многочисленных астральных паразитов, именуемых «энергетическими зверями», питавшихся силами больных, всюду ползавших по изрядно уже объединенным оболочкам, под потолком парило Натальино астральное тело, едва-едва соединенное с физическим, покоившимся на убогой больничной койке в забвении. Похоже, подруга и вправду собралась в мир иной. Таня оглянулась на выцветшего от переживаний Сашку. Он явно чувствовал, что «дело пахнет керосином». Возможно, где-то в глубине души, видимо, очень глубоко, Лютов сознавал, что переборщил в своем стремлении к свободе и независимости. Но признаться в этом не позволяла орлиная (или ослиная, что ближе) натура бывшего разведчика. А Наталья, обладая редкой способностью копить невысказанные обиды, дошла до ручки и решила воспользоваться случаем, чтобы решить все проблемы разом. Да, довели друг друга, мерзавцы, негодяи. Лучше бы еще одного ребеночка родили, первый у них неплохо получился. Таня заглянула в океанолога: хватит ли у него любви удержать Наталью на этом свете? Чтобы «обезвредить» тягу к смерти, магии недостаточно. Любви в Сашке нашлось много, сейчас она, подогретая страхом потери, перекрывала даже его безразмерный эгоизм. Надо попробовать. Порывшись в сумке, Татьяна достала синий мешочек с травяной смесью, пошептала на травы и вручила Лютову.

– Три столовые ложки на кружку, заварить и поить по полчашки каждые три часа. Делать свежий настой. И только горячий, насколько можно терпеть. Сутки. Сможешь?

– Да.

– Тогда иди за кипятком. Кружка у нее есть?

– Вон на тумбочке.

– Бери и дуй быстрее. Я начну колдовать.

– Как ты при людях-то? – занервничал Сашка.

– Не волнуйся. Сейчас все уйдут, а ты давай скоренько, скоренько. Времени у нас с тобой немного. Плохо дело. Довел-таки бабу!

– А что я такого сделал-то? – Сашка начал возмущаться. – Я, что ли, ее на аборт погнал? Я ничего против детей не имею!

– Ты бы поменьше ей рассказывал про свои прошлые похождения. Она же нервная. И без тебя так саму себя накрутит – метлой тараканов из головы не выгонишь, никакого дуста не хватит, а уж с твоей подачи! Вон, лежит – умирает. Не знаешь что ли, она только с виду тихая.

– Между прочим, Наталья сама предложила откровенность, у нас свободные отношения.

– Сашка! Ну ты что, дурак? Ведь нет же! Ты, прям, как в анекдоте: «такой большой, а в сказки верит»! Какие свободные отношения – она любит тебя без памяти, ревнует и мучается! Она про себя рассказывает? Нет! Только слушает, мазохистка!

– Она сама сказала – мы просто друзья, – продолжал упорствовать Лютов.

– С друзьями, Сашенька, не спят и детей от них не рожают, если ты не в курсе. С друзьями водку пьют и на футбол ходят. Ты хоть раз с Наташкой на футбол ходил? И водку она не пьет. Какие дружеские отношения! Что ты несешь! Да, она тебе друг, она за тебя в огонь и в воду, но понимаете вы эту «дружбу» по-разному. Баба она, Саша, баба. А чтобы дружить с бабой, ее в постель тянуть не надо. Сам ведь знаешь. Ну что, будем удерживать или отпустишь по-дружески-то? Намучалась она. Давай, отпусти, а Федю сам воспитаешь! И свобода твоя драгоценная

при тебе останется, и сынок! Теток-то вокруг море! Сколько еще не охваченных! А Наталье там лучше будет! Отдохнет. А, Саша? Ты ж ей друг!

Зло сверкнув глазами в ответ и громко топая, великая любовь Натальи Сажиной унеслась за кипятком. Привычно вдохнув диафрагмой, чтобы набрать сил, Таня приступила. Сначала осторожно накрыла палату огненным одеялом, сжигая паразитов. Соседки Натальи по палате зашевелились и, взбодрившись, стали потихоньку разбредаться – кто в туалет, кто позвонить. Татьяна присела рядом с подругой, взяла в руки ее горячие ладони и тихо потянула эфирное тело назад, к физическому. Когда они соединились, Наталья открыла мутные от жара глаза и с ненавистью посмотрела на Таню:

– Зачем? Не хочу. Отстань.

– А Федька?

– Сам вырастет. У него папа есть. И бабушка с дедушкой. Федька сильный.

Крыть было нечем. Маленький Федор и вправду неслабый мальчик, посильнее папы с мамой, и действительно сам вырастет. Таня понимала, что долго держать вместе дух и тело Натальи против ее воли она не сможет. Она всего лишь ведьма. Не Бог. И так делает то, что не в ее власти. Сила не закипела в ней, как обычно, а пришла медленно, тугими толчками и неохотно. Верный признак – полезла не туда... Сейчас всей кожей ощущала усталость подруги и от жизни, в которой Наталья находила так мало радостей, и от любви, разъедавшей душу, как кислота жемчужину. Хотелось выпустить горячечные руки и сказать – лети... Выручил Сашка. Он ворвался в палату с дымящейся чашкой настоя и добытым где-то кипятильником. Плюхнувшись с другой стороны кровати и бесцеремонно поставив чашку на чужую тумбочку, сунул Наталье прямо в рот столовую ложку с заваренной травой, предварительно на нее подув.

– Пей!

– Что это? – Наталья попробовала вяло сопротивляться, но Лютов умел ломать сопротивление на корню:

– Пей давай, хватит выпендриваться, – скомандовал он, и Сажина покорно сглотнула.

Таня ощутила, как ладони Натальи потяжелели, ожили, и ей больше нет надобности держать ее. Да и силы кончились... Может, и зря она их так мучительно вытягивала? Все решено, подруга остается в мире живых. И причина в том, что Сашка вот тут сидит на кровати и поит Наталью с ложки. И боится потерять. Все просто. Ненависть и мусть испарились из серых глаз больной. Их привычно затопила любовь, с которой она всегда смотрела на своего вечного мучителя-спасителя Сашку. Африканские страсти! Люблю-ненавижу! Татьяна отпустила тонкие Наташкины пальцы и стала перекладывать мешочки с травами из сумки в тумбочку, предварительно «пошептав» на них и прикрепив к каждому бумажку с номером.

– Сань, я ухажу, там травы положила, их надо заваривать по дням. Я написала номера: второй – значит вторые сутки, третий – третьи и так далее. Пять дней. Понял?

– Понял, понял, – отмахнулся Лютов, продолжая ложкой заливать в Наталью настой. – Я, если что, позвоню. Ты ведь еще зайдешь?

– Зайду.

– Ладно, пока. Спасибо тебе.

– Э, приятель! Забыл? Ведьмам «спасибо» не говорят.

– Забыл. Благодарю.

– То-то. Выздоровливай, Наташка!

«Болящая» кивнула.

«А благодарить-то почти не за что», – подумала Таня тогда, закрывая тяжелую больничную дверь.

Сажину выписали через неделю «практически здоровой». Спорное заявление, но так было записано в медицинской карте. Впрочем, разве можно вылечить женщину от любви? Тем более такую упрямую, как Наташка. Почти целый месяц они с Сашкой не ссорились. И вот

опять... Да, как говорили в старину, милые бранятся – только тешатся. Главное, чтобы не покалечились. И тебя не задели, поэтому для своей же безопасности – лучше не встречать. Значит, никакого чая с Лютовым. Перебьется без собутыльника и сострадавателя. Сашка продолжал стоять в дверях с видом любезного хозяина, обиженного на наглого гостя. Таня, улыбнувшись, протянула ключи:

– Не обижайся, не могу. У меня на завтра люди записаны на прием. А твой чашек я знаю! Два дня с головной болью!

– У меня, между прочим, коньяк не паленый, – нелогично возмутился Сашка.

– Все, Сашка, пока, дай поцелую, спасибо тебе, съемка – это так, пустяки, а на крыше так хорошо было! Словами не передать.

– Ну ладно, чеши. А то осталась бы, я бы тебе показал, что такое хорошо! Наталья знает!

– Да уж! Знает! На сегодня свободен, Дон Жуан! Шпагу в ножны, гитару под стол!

Таня чмокнула Сашку в душистую щеку и, сбежав вниз по лестнице, окунулась в шум Вознесенского проспекта.

Домой. Вернется Гоша, сын от первого и единственного брака, и его надо кормить. Или еще хуже – явится Глеб Титов, и они повздорят у полупустого холодильника. Глеб любит падать как снег на голову, без звонка.

Глеб. Познакомились они на новоселье у Юли и Кирилла. Бывшая Танина однокурсница, превратившаяся под влиянием рыночной экономики из оптика в агента по недвижимости, Марьяна Шахновская ухитрилась сделать Вишневым из двухкомнатной квартиры четырехкомнатную. Доплатить пришлось всего сто долларов, плюс пятьсот Марьяне за услуги, и семья переехала. Месяц ремонта, в ходе которого Кира и Юлька пять раз пытались подать на развод – так горячо спорили о дизайне, – и еще одна эмоциональная подруга наконец-то определила по разным углам своих, таких же, как она, буйных дочерей. По этому поводу и гуляли. Марьяны на новоселье не было, у нее случился, изъясняясь на языке риэлтеров, какой-то очередной «форсмажор».

Глеб тогда работал с Вишневыми, как говорят телевизионщики, «на программе» – был ведущим в кадре, Юляша даже какое-то время ему симпатизировала. Правда, очень недолго. Когда Таня увидела его, первая ее мысль была: «Вот ведь мерзавец! Сожрет Юльку!» И оказалась права. Юля и Глеб повздорили. Раз, другой, третий. Конфликт разросся и перешел в перманентную вражду. Силы оказались неравными. Титову с его острым языком ничего не стоило меткой фразой выбить Юльку из душевного равновесия. Вишневская пасовала, с уверенностью в себе у нее всегда было тяжело. В конце концов она совсем заблудилась в обидах и комплексах, не смогла работать, ушла сначала в другую компанию, а потом и вовсе в никуда. Она всегда так уходила, зачем-то уступая свое место непонятно кому.

А Таня... Именно тогда она и зацепилась. Ей вообще нравились яркие люди. А Глеб был ярок. Ярko плохой. Они целый вечер перекидывались колкостями, причем Татьяна открыто любовалась оппонентом. И было чем: красавец мужчина, с фигурой пловца, умный и злой, с острым как бритва языком. Человек-шоу! Зрелище! Правда, не для слабонервных. Ну что-то, а нервы у Тани крепкие. С ее-то работой! Именно на почве работы все и началось. Глебу зачем-то понадобилось погадать на Таро, потом они сходили в кафе. В общем, закрутилось. Глеба тянуло к ней, а Таню... Таню, наверно, тоже... Иногда он ее раздражал, иногда нравился. Впрочем, зачем ей Глеб, она сама себе не могла объяснить. Зачем-то.

Да, Гошка и Глеб не любят друг друга. Вернее, Гошка не любит, а Глебу все равно. Его вообще не любят мужчины. Он предполагает, что из зависти, Таня считает, что Титов раздражает людей одного с ним пола бесконечной демонстрацией чувства превосходства. Или просто раздражает. Сам по себе. Сашка Лютов не переносит его, например, потому, что Глеб, закончив Академию имени Можайского, подался в театральный. Лютов считает, что мужчина дол-

жен заниматься делом, а не лицедействовать, и называет Глеба за глаза «космический клоун». И успех у женщин тут ни при чем. Бывший разведчик и сам на отсутствие женского внимания не жалуется. Скорее на избыток. А демонстрации превосходства Сашка просто не замечает. У него, как и у Титова, «комплекс полноценности». Так что зависть – не всегда подходящее объяснение для неприязни.

Дома горел свет. Во всех окнах. Значит, верная подруга – интуиция не подвела. Оба дома. На стоянке у подъезда запаркован белый «фольксваген-гольф». Сомнений не осталось. Глеб и Георгий опять встретились – и на пространстве в 75 квадратных метров, где им хронически тесно. Интересно, у кого в комнате собака? Овчарка Берта, как все суки, предпочитает общество мужчин. Кого она выбрала?

На звук открывающейся двери собака выбежала из комнаты Гоши. Ну не такая уж и сука. Гошка вышел из комнаты вслед за собакой. Глаза красные, рыжие волосы взлохмачены. Сидел в Интернете. Собака радостно плясала у Таниных коленей, всем своим видом показывая: «Вот люди, звери какие, животное завели, а не кормят и не гуляют!»

– Мама, тебе какая-то настойчивая дама звонила раз пять. Клиентка, не представилась, но сказала, перезвонит.

– Перезвонит. – В дверях появился Глеб и, верный своей дикторско-менторской привычке всех поправлять, поправил Гошке ударение.

Гоша бросил в Глеба испепеляющий взгляд и молча удалился в свою комнату. Его худая спина выражала презрение.

– Между прочим, твой сын не гулял с собакой. Я, конечно, понимаю, от компьютера оторваться сложно, но вывести девочку пописать – это минутное дело, – наябедничал Титов в ответ на Гошкин демарш.

Таня насторожилась. Собака уж больно радуется, возможно, сын действительно забыл ее вывести? Иногда за ним такое водилось.

– Георгий, ты правда не гулял с Бертой?

– Мама, он все врет! Я гулял в три, после универа, у меня только две пары было! А он пришел-то в семь! – завопил из комнаты разъяренный Гошка.

– Сейчас, между прочим, половина одиннадцатого! Где ты была так долго? Работала? Юноша, погуляйте с собакой! Ваша мама устала!

– Отстань от Гошки, я сама погуляю. Проветрюсь. Хочешь со мной? Расскажу, где была. Кстати, здравствуй, дорогой! Я и не подозревала, что ты ко мне сегодня заглянешь.

– Пошли. – Глеб стал надевать ботинки, собака запрыгала и завывала от радости. Общительная овчарка всегда была не прочь погулять в компании. Особенно с ними. Титову нравилась Берта, он вообще любил собак, и больше всего овчарок. Эти двое играли увлеченно, до страсти. Глеб отрабатывал реакцию, собака веселилась.

Иногда Тане казалось, что только в игре с собакой в Глебе еще проступает то не совсем затертое, детское, что он прячет от всех. И от самого себя, даже больше, чем от других. Его здорово выдавали глаза, которые становились совсем мальчишескими в момент, когда удавалось перехитрить наивную овчарку. Где он, тот мальчик, которым он был когда-то? Прячется? И каким ты был, когда был ребенком, Глеб? Сейчас этакий плейбой, неотразимый и ядовитый. Вьющиеся пепельные волосы коротко, стильно подстрижены, голубые глаза холодны и колючи. Элегантен, подчеркнуто консервативно одет, издевательски вежлив. Весь просто переполнен каким-то отрицательным обаянием. Коктейль «Белый медведь». Водка с шампанским. С ног валит сразу, головная боль гарантирована. Да, Глеб Титов, одним словом – тележурналист...

Они спустились по лестнице. Собака выскочила во двор, присела, между собачьих лап почти сразу образовался маленький водоем.

– Вот видишь, как долго терпела! Ну и где же ты была так долго? С отключенным телефоном?

– Юлька привлекла к своему проекту. Снимала мой женский портрет. «Ведьма» называется. Рассчитывает показать в серии «Горожане».

– Ну и зря рассчитывает. В ее возрасте уже пора понимать, что пройдет, а что нет.

– У вас с ней один возраст. Вы ровесники.

– Интеллект, к сожалению, разный. Или уровень развития.

Сейчас Глеб пустится в рассуждения, какая Юлька дура. Фыркать в адрес друг друга у Титова и Вишневской – любимое занятие. Он злословит по поводу ее интеллекта, она – о его моральных качествах. Скучно.

– Все, хватит, мы с тобой договорились, что не будем ее обсуждать.

– Я ничего и не говорю.

– Вот и молодец, смотри, твоя подруга тебе палочку принесла.

У ног Титова уже стояла Берта, держа в зубах огромную ветку тополя. Глаза мужчины потептели:

– Ну что, поиграем, собака?

Таня присела на свежий пенек. Все что осталось от старого тополя... Мало кто знает, что тополь и осина – родственники... Оба дерева – проводники энергий. Из одного мира в другой... Не зря в городах так много тополей... Жизнь еще теплилась в этом пне... Собака отнимала у Глеба ветку, он разломал ее напополам, и получилось две. Одну Глеб кидал, другую держал за спиной, собака носилась за палкой и, принося, бросала, видя другую. Обоим было весело. Глядя на Титова, Таня подумала: «Кажется, собаки – это единственные существа в мире, которым ты доверяешь, Глеб». Вспомнился гусь. Интересно, где села стая? Татьяна настроилась. Под перепончатыми лапами мягкий и влажный мох, пахнет багульником, где-то вдалеке стеной стоят чахлые болотные елки, а за ними – могучая сосновая поросль. Болото! Далеко. Людей вокруг нет, где-то похрустывает ветка под чьей-то легкой лапой. Лиса?! Стая встрепенулась, но нет, все тихо.

– Таня! Таня! Ты где?

Далекий голос. Таня? Она резко очнулась, почему-то уже под рябиной на противоположном конце пустыря, на лицо сыпались мелкие листочки и горьковатые оранжевые ягоды. По пустырю метался голос Глеба. Откликнулась:

– Я здесь, Глебушка!

– Куда ты пропала? Я оглянулся, сидела на пеньке, и нет тебя.

Таня подошла и обняла его. Поцеловала. Укололась о двухдневную светлую щетину. Глеб вздрогнул от неожиданной ласки, но не отстранился.

– Отошла листьев набрать и задумалась. Спасибо, что позвал. Пошли домой.

– Пошли. – В глазах Глеба пульсировало недоверие и где-то даже страх. Непонимание. Но задавать вопросы он явно не решался. Отлично, не надо никаких вопросов. Молча поднялись домой по лестнице, не дожидаясь лифта. Собака юркнула в комнату к Гоше, Таня и Титов немного посидели на кухне, поболтали о Глебовых делах, обсудили его новую программу, которую они делали вместе с новым режиссером Валечкой Гусаренковой, но разговор не клеился. Таня чувствовала, что Глеб что-то видел. Или исчезновение, или появление, и никак не может это уложить в голове. Возникшая недоговоренность тяготила обоих. Таня встала и пошла в комнату. Разобрала диван и позвала. В конце концов есть проверенные методы. Дождавшись, когда голова мужчины коснется подушки, осторожно тронула его волосы.

– Устал? Помочь тебе расслабиться?

– Ты сегодня какая-то подозрительно нежная! Конечно! – Таня почувствовала, что он сам бессознательно хочет забыть то странное, что видел на пустыре.

Получив разрешение, нежно погладила рукой по волосам, затем ее пальцы заскользили по голове, выискивая нужные точки; они находили их и массировали, с кончиков соскакивали невидимые Глебу искорки, успокаивая и расслабляя; потом горячие руки ведьмы прошлись по позвоночнику, она чувствовала, как обмякает и расслабляется его тело. Теперь и не заметит, как заснет... «Спи дорогой, забудь все, вспомнишь потом. Потом, потом. Когда нужно будет», – прошептала Таня. Мужчина крепко спал.

Глава вторая

День ведьмы

Где-то под утро, около шести, они проснулись и как ни в чем не бывало занялись любовью. Потом Глеб заснул, а Таня пошла будить сына и готовить завтрак.

Георгий с трудом оторвал рыжую голову от подушки и отправился в душ. В семь тридцать уже умытый и причесанный сын уплетал омлет с сыром, а собака, роняя слюни, сидела рядом с кухонным столом.

– Мам, – задумчиво спросил Гошка, когда Таня наливала ему кофе с молоком, – ну что ты в нем нашла? Ну неужели только красивую рожу? Он же засранец! У тебя лучше были!

– Гош, полюбить можно любого, даже засранца. Это называется безусловная любовь. Ее неплохо бы познать каждому. Главное, чтобы при этом никто не мог ущемить твои интересы и подавить тебя. Он же меня не ущемляет и не подавляет. Я ему просто не позволяю.

– Да ты и не любишь его, ма, мне кажется, что тебе просто лень его выгнать. Ты вообще какая-то стала странная! Как будто все время не здесь! Что с тобой?

Таня нахмурилась. Гошка, как всегда, мудр и наблюдателен. «Да, странная, да, все время не здесь. И совершенно ничего с этим поделать не могу», – с горечью подумала она. Надо было что-то отвечать.

– Так заметно, Гош?

Гошка кивнул. Таня тяжело вздохнула и поежилась:

– М-да... Только не проси меня объяснить, в чем дело, я все равно не смогу тебе ничего толком сказать. Потом. Подожди, ладно?

– Ладно, мам. Ты у меня мудрая змея и известная ведьма. Погуляй с собакой, я уже на первую пару опаздываю.

– Георгий! Да ты просто наглец! Кто собаку домой притащил?

– Хорошо, хорошо!

Любимое дитяtko подхватило поводок, и они с Бертой убежали сделать дежурный кружок вокруг дома. Через пятнадцать минут открылась дверь и вбежала собака, волоча за собой свою сбрую. Гошка убежал в университет. Собака бросилась к миске и жизнерадостно зачавкала. Таня отстегнула поводок, собака даже не вздрогнула, продолжая увлеченно есть. Хорошо, наверное, быть собакой.

От мыслей Таню отвлек телефонный звонок. Знакомый хрипловатый голосок осведомился фальшиво-любезным тоном:

– Танечка? А Глебушка еще спит?

Звонила Валя Гусаренкова, дама-режиссер. С ней Глеб работал последнее время чаще, чем с остальными. Из всех известных Тане дам, тронутых возрастом, Валя молодилась особенно удачно. Даже при внимательном взгляде и на очень близком расстоянии Вале никак нельзя было дать ее пятидесяти трех лет. Небольшого росточка, худенькая, как подросток, со стильной стрижкой и в забавных очочках, которые не только освежали лицо, но еще и оптически увеличивали глаза. Выдавала Валечку только морщинистая шейка, но она умело драпировала ее шейными платками разных цветов и фасонов. Даже среди любвеобильных дам постбальзаковского возраста, в изобилии встречающихся во всевозможных телекомпаниях, Валечка выделялась своей страстью к молодым мужчинам. И, надо сказать, благодаря ее молодости и настойчивости они периодически одаривали ее вниманием. По Таниным предположениям, Титов, известный экспериментатор, тоже Валю не обошел; по крайней мере сейчас она смотрела на него глазами верной собаки, ожидающей ласки или подачки. Так Берта смотрит на свою хозяйку, когда та делает котлеты, рассчитывая получить еще кусочек вкусного фарша.

Всех женщин моложе семидесяти Валя искренне ненавидела и не упускала случая помянуть «добрым словом». Если бы в ее руках оказался автомат с запасом патронов и лицензия на отстрел женщин, в городе просто не осталось бы ни одной особы женского пола, за исключением древних старушек и грудных младенцев. Видимо, телефон у Глеба отключен, и Валечка не нашла ничего лучше, как позвонить Тане, которую, впрочем, как и всех остальных «его баб», терпеть не могла.

– Да, Валя, спит. Что-нибудь срочное? Разбудить?

– Нет, Танюша, напомни ему, пожалуйста, что у него студия в двенадцать. Пусть обязательно побреется. У вас есть бритва? Я могу привезти, я на колесах.

Перспектива начать день с визита Вали показалась Тане далеко не радужной.

– Спасибо, Валечка, не надо. В этом доме часто ночуют мужчины, поэтому у меня все есть. И «Жилетт», и пенка для бритья, и лосьон, и хорошая туалетная вода. Тебе не стоит беспокоиться.

– Я надеюсь. – В голосе Вали прозвучали знакомые ядовитые нотки.

– Ну и хорошо, тогда пока. – Таня положила трубку и включила определитель номера.

Валечка еще будет звонить, и не раз – до тех пор, пока Глеб не включит мобильник и не рыкнет на нее. Тогда все успокоится. Телефон зазвонил опять. Таня бросила взгляд на определитель: если Валечка – трубку брать не станет, пока не проснется Глеб. А Глеба будить не хотелось: во-первых, было еще рано, а во-вторых, хотелось побыть одной, подумать. Определитель высветил незнакомый номер. Таня взяла трубку. Взволнованный женский голос спросил:

– Здравствуйте, а можно Татьяну?

– Я вас слушаю.

– Татьяна, мне ваш номер дала Ирина Николаевна, мать Толика, ну помните, который...

Мать наркомана. Так. Таня почувствовала, как внутри все привычно напряглось. Голос стал жестким.

– Вы знаете, что я могу помочь не всем?

– Да. – Голос в трубке дрогнул.

– Вы готовы к тому, что я могу вам отказать?

– Да, я понимаю...

– И что, если я откажу, упрашивать меня бесполезно?

– Да, но...

– Увы, безо всяких но...

– Я понимаю.

– Хорошо. Но самое важное: вы готовы, если я соглашусь, сделать все так, как я скажу, в точности? До мелочей? Все члены вашей семьи?

– Да, мы готовы, мы так измучились, Верочка сама понимает, что погибает, она хочет...

– Хорошо, я попробую вам помочь. У вас должны быть наготове палатка и спальные мешки – если у меня получится, они вам понадобятся.

– Я все поняла. Когда нам подойти?

Таня заглянула в тетрадь записи клиентов.

– Сегодня в два. Записывайте адрес: переулок Гривцова, дом 8, квартира 24, вход с улицы. В подъезде домофон. Умеете пользоваться?

– Да, конечно, до свидания, значит в два.

Незнакомая женщина повесила трубку. После той истории, когда Таня проснулась в лесу, она случайно открыла в себе дар помогать больным наркоманией. Но не всем, а только тем, кто до или в момент рождения потерял кусочек души, с которым хотел соединиться. Таких немного, но после того, что делала Таня, они излечивались полностью. Не всем родителям, которым приходилось отказывать, удавалось объяснить, что делает она это не из каприза и не оттого, что ей мало предложили денег, а просто потому, что этому человеку она помочь не

может. Не может, и все. Все люди, которые обращались к ней в последнее время, были или ее, или не ее. Не ее – это значит те, кому магия не нужна. Во всяком случае Танина. Может быть, им нужно было немного театра, немного психологии, а может быть, просто человеческое сочувствие, но не СИЛА. Раньше Таня это делала, но теперь после леса... Все изменилось. Но люди все равно шли и шли.

Принимала их Таня в маминной квартире на Сенной. Вот уже четыре года мама жила в Америке, где работала по контракту тренером по художественной гимнастике. Получила вид на жительство и возвращаться не собиралась. Звала к себе дочь и обожаемого внука. Гошка даже летал к ней пару раз на каникулы. Вообще-то мать не планировала никуда уезжать, но... Пять лет назад папа разбился на машине, и все перевернулось. Тогда ее железная мать почти сломалась. Таня раньше не видела ее такой. Кира Георгиевна, как человек не склонный к депрессии, никогда не падала духом, не сдавалась, в ней было достаточно и упорства, и «спортивной» злости. Она охотно делилась ею с воспитанницами, стараясь сделать из них настоящих бойцов. И получалось – сплошь звездочки или просто «подающие надежды». А тут... даже не плакала, а просто гасла. Таня забрала ее к себе. И старалась надолго не оставлять одну.

– Ты понимаешь, Танька, оказывается, я без него не могу. Не могу.

Эти слова мать произнесла всего один раз и замолчала на месяц. Это все было настолько не похоже на прежнюю «железную Киру», что Татьяна бросила все, подкинула Гошу папе Валере, посадила мать в машину и повезла на Псковщину. Там, в Лукино, жила баба Зина, Зинаида Никифоровна, та, которая впервые указала Тане на Дар. Баба Зина отпоила маму травами и увела ее на три дня в лес, куда, Таня не знала. Тогда еще не знала.

Когда они вернулись, мать была уже другой. В ней еще льдинками стояло горе, но она разговаривала, даже шутила. Это была почти прежняя мать. Почти. Когда собирались домой, Зинаида Никифоровна отвела Таню в сторону:

– Уехать ей надо отсюда. Далеко, за море. Ты ей, Танечка, не препятствуй. Ей здесь места нет, у них с отцом твоим души сильно повязаны были. А к нему ей рано.

– Куда уехать-то, баба Зина? За какое море?

– Узнаешь, Танечка, скоро узнаешь. Зачем до срока суесться? Если тебе это не открылось, значит, так и надо. Сама ведь понимаешь, не маленькая.

– Понимаю, баба Зина. Благодарю тебя.

– На здоровье, Танечка. Езжай осторожно, не гони.

Они уехали. А ровно через месяц бывшая мама ученица, призер и чемпионка, дозвонилась до нее из-за океана и предложила поработать у нее в частной школе, где-то под Вашингтоном. Мать с радостью согласилась. Документы собрали быстро, и уже через четыре месяца после поездки на Псковщину Таня провожала мать в аэропорту. Как только открылись стеклянные двери и они вошли в здание аэровокзала, на Татьяну накатило ощущение, что с матерью все будет в порядке, и еще, что она увидится с ней еще один раз. Всего один. В отличие от Гошки, у которого линия жизни будет еще часто пересекаться с линией жизни бабушки. Там, в аэропорту, мать сказала странную вещь. Таня никогда не думала, что такой материалистке, как Кира Георгиевна, может прийти в голову нечто подобное.

– Таня, – сказала мама, глядя на нее каким-то совершенно незнакомым взглядом, – не могу это объяснить, хотя попытаюсь. Знаешь, никак не подбирались правильные слова, но сказать надо. Меня всегда это мучило... И вот я решилась, прости меня, дорогая, если скажу что-то не то и не так... Хотя мне кажется, ты меня все-таки поймешь. Дело в том, я никогда не могла привыкнуть к тому, что у меня есть дочь. Или нет, неправильно, не то – я не могла понять, как ты оказалась моей дочерью. Мне всегда казалось, буквально с тех самых пор, как в роддоме медсестра положила на колени кряхтящий сверток, что я произвела на свет что-то не совсем обычное, вроде как не от мира сего... Ты росла – девочка как девочка, а вот казалось всегда – вспорхнешь и улетишь... И я так и не пойму, была у меня дочь или нет...

– Это ты после леса так решила?

– Нет, после леса я просто определилась в ощущениях... Раньше я никак не могла себя понять... Почему я за тебя никогда не боялась? И почему при этом у меня так щемило в груди, когда я смотрела на тебя?

– Теперь поняла?

– Почти. Кстати, я практически ничего не помню, что было в лесу, какие-то обрывки: костер, тени, горький отвар... Лицо отца... Присутствие какой-то непонятной силы...

– Не надо рассказывать.

– Конечно, не надо, да и не получится.

Таня промолчала. Мать подошла и крепко обняла ее. Вопросительно посмотрела грустными мудрыми глазами:

– Я еще увижу тебя?

«Один раз», – мысленно ответила Таня, прижимаясь к мокрой щеке матери.

– Я приеду. А потом буду присылать к тебе Георгия, но позже, когда ты обоснуешься.

– Конечно, прилетишь, куда денешься! Пусть твой балбес учит английский!

Она действительно один раз побывала у матери, едва выдержав две долгие недели в такой комфортной и такой чужой для нее стране. А тогда... Они попрощались, и мать улетела. Просто села в самолет и через десяток часов оказалось «за морем». Точнее, за океаном. Вот так. «Железная Кира» никогда не боялась перемен, особенно если сама их планировала.

Таня посмотрела тетрадь. На сегодня еще три человека. Последний на шесть. Надо позвонить Марьяне и договориться о встрече. Девять часов, уже вполне можно. Шахновская распахала домашних – кого в школу, кого на лекции, ее Коля, должно быть, давно на работе. Можно поговорить. Если она не спит. Потому что, проводив своих, Шахновская могла спокойно завалиться обратно в постель и заснуть сном праведника. В агентстве она раньше часу дня никогда не появлялась. Марьяна давно научилась получать удовольствие от своей хлопотной профессии. И даже доросла до менеджера, чем, кажется, гордилась. Шахновская не спала.

– Да, слушаю, – ответила она сравнительно бодрым голосом.

– Привет, Марьяша, я хочу с тобой договориться о встрече.

– Давай договаривайся. Мне удобно где-то в семь-восемь.

Подруга пребывала в хорошем настроении.

– Если в семь, то где-нибудь на Сенной, ты как?

– Отлично! Давай в семь тридцать на канале Грибоедова, 100, под номером дома. Я должна показать квартиру, хозяин оставил ключи и просил не давать их никому. Вот бегаю, как девочка, на показы. Правда, посулил приличную премию, если продам, и вроде не из тех, кто обещает попусту... По крайней мере, раньше за ним не водилось. Постоишь со мной, все обсудим, потом зайдем в кондитерскую? Идет?

– Замечательно. Договорились. Знаешь, меня Глеб просил с тобой познакомиться. Они с Валюшей вписались в несколько избирательных кампаний. У Глеба завелись деньги, как раз на квартиру. Хочет, чтобы ты ему помогла.

– Да? Ты уверена? А Юлька против не будет? Все-таки они поругались.

– Юлька сказала, что ей все равно. Дословно так: «Пусть делает что хочет, только не забудет с этого козла денег содрать».

Таня понизила голос. У Глеба была удивительная особенность появляться в самый неподходящий момент. Нет, вроде спит. Марьяна на том конце трубки жизнерадостно хрюкнула. Видимо, представила Юльку.

– Ну так что, Марьяша, поработаешь с ним?

– Хорошо, посмотрим. Ты его сегодня приведешь?

– Не думаю. Я хотела переговорить с тобой без свидетелей. Гошкин паспорт брать?

- Да, обязательно. Или ксерокопию.
- Значит, в семь тридцать, Грибоедова, 100.
- Да.
- Договорились.

Татьяна положила трубку. Подруга – деловой человек, с ней легко договориться. Таня пошла в душ. Под теплыми струями она могла стоять долго, расслабляясь, размышляя, вспоминая... Через какое-то время в дверь ванной комнаты стал стучаться Глеб. Таня впустила. Они иногда принимали душ вместе, особенно когда у обоих было хорошее настроение. Сегодня хорошее настроение было у Глеба. А у нее обычное. Ровное. Но Титову удалось ее растормошить. Они с Глебом немного порезвились под душем, обливая друг друга, потом Татьяна вышла, а Глеб остался домыться и приводить себя в порядок. Она завернула полотенце чалмой на голове и обернулась белой шкуркой махрового халата. День начинался хорошо, с нежности. Потом они позавтракали вместе, до Глеба наконец дозвонилась настойчивая Валечка, и он умчался, довольный и добрый, что с ним бывает не так уж часто. Может, сегодня окружающим повезет, и он спрячет когти – побудет «белым и пушистым», кто знает. Хотя вряд ли, Титов – та еще штучка, любит позлить и подразнить. Особенно женщин. Он их то обольщает, то мучает. Играет в «холодный душ и теплое полотенце». Холодный душ, правда, преобладает. Старый как мир способ не оставлять людей равнодушными к своей драгоценной персоне. Только с Таней у него это не получалось. Никак. Таня оставалась спокойной, как лесное озеро в безветрие. Скорее он мучился. Глебовы игры и ухищрения не могли ни вывести ее из себя, ни заставить заплакать. Все, что ему удавалось – рассмешить или разозлить. И то ненадолго. Если ему удавалось второе – тогда плохо становилось самому Глебу. Танина злость вгоняла его в такую депрессию, что даже «комплекс полноценности» не помогал. Тогда Титова уносило в глубокий запой, который мог продлиться неделю и больше и, как правило, ломал все планы честолюбивого журналиста. Даже в сексе, когда его тянуло причинить ей боль, Танино тело моментально возвращало удвоенный болевой импульс. Почему это происходило, Глеб понять не мог, он спрашивал Таню, но получал всегда один ответ:

– Глебушка, я так устроена. Ты не можешь сделать мне больно. Ты сделаешь больно себе. Я не буду тебе объяснять почему. Просто запомни, что это так, и все. Тебя это пугает? Давай расстанемся.

Признаться в том, что его что-то пугает, Глеб не мог, он был из породы «орлов», как Сашка Лютов. Да его это и не пугало, скорее манило. Непрост, с червоточинкой, странный красавец Глеб Титов... Татьяна Вешкина была пока единственной женщиной, которую ему не удавалось ни понять, ни завоевать. Таня понимала, что, сама того не желая, мучает его своей отстраненностью и почти недоступностью, если можно, конечно, считать недоступной женщину, с которой делишь постель. Но... вольному воля: не хочешь – уходи. Титов предпочел остаться. Вряд ли это можно было назвать любовью, скорее похоже на затянувшуюся охоту... Вот только зачем? Или за кем? Кто дичь? Явно не она. И не Глеб, потому что Татьяна охотиться не собиралась. Странные отношения. Таню они иногда тяготили. Но она их не прерывала. Хотя могла.

Татьяна взглянула на часы. Пора было собираться. Женщина высушила волосы «горячим» режимом фена, быстро оделась и позвала собаку. Они походили немного в скверике перед домом. Жизнерадостная Берта носила в зубах пустые пластиковые бутылки, приглашала поиграть, но уже было некогда. Татьяна отвела собаку домой, взяла сумочку и спустилась к машине. Бывшая мамина машина – ее любимица. Маленький городской джип. Безотказный и удобный. Свою, подарок отца, Таня продала, когда мать уехала. Через сорок пять минут напряженной городской езды она уже парковалась во дворе на Гривцова. Поздоровавшись с соседкой-пенсионеркой, добровольным дворовым наблюдателем, поднялась в квартиру матери. Прислушалась к ощущениям. Да, день будет не простой.

Но началось все довольно обычно. Первой пришла девушка, поссорившаяся с возлюбленным. За приворотом, конечно. Таня вытащила свою старую колоду карт, просмотрела отношения молодых людей. Выходило так, что эти двое еще встретятся, и не один раз, любовь у них длинная. Все устроится, правда, не быстро, как хотелось бы, но устроится. Надо немного подождать. Но ждать юная посетительница не желала.

Девчонка была прехорошенькая и, судя по крутому, высокому лбу, с характером. Таня знала, что, если сейчас ей откажет, она все равно попытается осуществить задуманное, не размышляя о последствиях. А они, в ее случае, обязательно будут. Татьяна еще раз кинула карты. Получалось, самое лучшее, что она может сделать, – подтолкнуть влюбленных к друг другу. Устроить случайную встречу немного раньше, чем она произошла бы без ее вмешательства. Правда, девушке стоит кое-что понять...

– Я сделаю так, что вы неожиданно встретитесь. Скоро. Не спрашивай меня, когда точно, но скоро. И ты при встрече попросишь у него прощения. Сразу. И не надо никакого приворота. Он и так тебя любит.

– Но я ни в чем не виновата! – возмутилась девушка.

Вот это было неправдой. Ведьмы, а Таня была именно ведьмой, чувствуют ложь. Хотя девушка искренне думала, что не врет. Точнее, упрямой молодой женщине удалось убедить себя в том, что она абсолютно права. Девушка была из тех, кто умеет похоронить правду под ворохом абсурдных аргументов, амбиций и собственных обид и не вспоминать о ней. Долго. А лучше вообще забыть. Очень часто таким людям удается заставить окружающих, даже непосредственных участников событий, принять «нужную» версию происшедшего. Настолько они себе верят. Но не всех. И точно не Таню. «Ну что ж, каждый приходит за своим уроком», – подумала ведьма и легонько коснулась руки девушки. В голове калейдоскопом закрутились картинки ссоры. Татьяна усмехнулась:

– Точно не виновата? А может, рассказать? Ты забыла? Вы вместе были в гостях. Большая квартира на Московском проспекте. Такая большая, что в ней даже можно потеряться. И ты «потерялась»? С его другом, так? Ничего страшного, вы просто целовались. Ну, конечно, ничего и быть не могло, но... Уходили-то вы почти на глазах у твоего мальчика. Ты вроде как и не заметила, что он пошел вслед за вами и видел вас на балконе. И ушел он якобы незамеченный. А потом ты вернулась и сама же устроила сцену ревности, когда увидела, что твой друг танцует с рыжей девчонкой. Как ее звали? Кажется, Рита? Вспомнила?

– Откуда вы знаете?

– Девочка, ты к кому пришла? Кого ты пытаешься обмануть?

– Простите.

– Тебе пора бы научиться говорить это слово. Прощаю. Я не буду тебе делать приворот. Можешь пойти к другой колдунье, тебе сделают, он придет, на коленях приползет, если сильную ведьму найдешь. Только стоить тебе это будет дорого.

– Ну и насколько дорого? Деньги не проблема.

Конечно, не проблема! Это видно. Девочка была хорошо одета. Слишком хорошо для ее возраста. Украшения в ушках и на пальчиках тоже явно не по возрасту. Дочка больших родителей. Привыкла получать все, что хочет. И сюда пришла не за помощью, а за услугой.

– Не деньгами платить придется, деточка. Знаешь, у кого больные детки бывают? У тех, кто любовной магией увлекается. Врать не стану, не только у них, но ты если приворот сделаешь, этого не избежишь. А детей ты любишь, и мальчика своего любишь. Тебе бы просто подождать, пока он отойдет от обиды, а ты не можешь. Не привыкла. Думаешь, топнешь ножкой – и прибежит. Другие-то прибегали раньше? Прибегали! Вот ты теперь злишься, потому что не по-твоему. Сломать хочешь, а не дается. Сильный. Этим он тебя и привлек, не так ли? Простые средства не помогли – за колдовством пришла! Хочешь волю его изнасиловать? Ты насилие любишь? Отвечай!

– Нет, – испуганно помотала головой девушка.

– Тебе бы такое обращение понравилось?

– Нет.

– А пришла-то именно за этим!

Таня сказала это жестко, прямо в упрямые голубые глаза девушки, стараясь пробить липкую муть самообмана, которая еще плавала в ее голове, как бензиновая пленка на воде. Девушка неожиданно заплакала.

– Но я правда без него не могу! И не знаю, как к нему подойти. Он на занятия не ходит, номер сменил. Дома его мама не зовет к телефону. Помирите нас. Я попрошу прощения, я и правда виновата, я надеялась, что он не видел нас с Лешей. Нет, вру! Я выпила тогда, ну меня и понесло. Сначала хотела, чтобы он ревновал, а потом... все как-то само вышло.

– Хорошо, деточка, но постарайся поменьше врать, даже себе. Это здорово мешает в жизни.

Таня зажгла красную свечу, задымились подоженные травы, заструились-зашелестели слова заговора. Они встретятся в каком-то кафе, где он будет пить пиво и тупо смотреть в угол, а она пойдет перекусить. Встретятся тогда, когда девушка совсем затоскует и разуверится в магии. Это будет скоро. Она нетерпелива и эгоистична. Ей придется это перерастать.

Девушка ушла, а Таня сварила себе кофе. Сейчас придет мать юной наркоманки, надо успеть набраться сил. Несколько глубоких вдохов диафрагмой, по старой привычке. Ей давно это не нужно, но когда еще только приравнивалась к Силе, она часто так делала. Ровно в два пришли девушка-наркоманка и ее родители. Все бледные, измученные недавней ломкой, из которой девушка только что вышла. Таня пригласила их сесть. Дочь усадила отдельно на диван, велела ей закрыть глаза, но она не послушалась, глаза закрывать не стала. Так и сидела на диване, безучастная, с остановившимся взглядом, направленным в какую-то загадочную точку на стене.

– Сейчас я пойму, могу я вам помочь или нет. Если придется начинать сразу, я махну вам рукой – вы выйдете в соседнюю комнату. Там посидите, попьете чайку или кофе, чайник, сахар, печенье все на столе. Если у меня будет время – успею поговорить с вами перед началом. Как получится. Не обижайтесь. Хорошо?

Родители молча кивнули. Девушка оторвала взгляд от обоев и посмотрела на Таню, как большая собака, с надеждой и страхом.

– Если не получится, то мы просто прощаемся. И постарайтесь не обижаться. Магия помогает не всем. Точнее, очень мало кому помогает.

– Мы понимаем, – сказал отец девушки, высокий плотный мужчина. Таня взглянула на него внимательно. Статный, с военной выправкой, в волосах проседь. В голосе глубокая усталость.

– Тогда начнем. Не бойтесь. Ничего страшного я делать не буду. Младенцев и петухов приносить в жертву не надо.

Родители слабо улыбнулись. По их лицам было видно, что они уже ни во что не верят, просто решили испробовать все в битве за свою девочку. Таня подошла к ней. Заглянула в пустые глаза. Спросила:

– Ты крещеная?

– Да, Верой, – слабо ответила девушка.

– Все-таки закрой глаза, пожалуйста, и постарайся расслабиться. Так, хорошо, дай мне руки.

Ведьма взяла девушку за руки и присела рядом с ней на корточки. Ее сразу закружило в водовороте чужой души, рассыпанной по многим мирам. Какие-то части этой души двигались хаотично, а какие-то стремились к соединению. «А девочка-то еще и мультипланет. Сколько же у нее персональностей? Десяток точно есть. Тяжело пришлось родителям, да и ей с ними тоже,

если подумать», – подумала Таня. «Должно получиться. Так, а вот и маленький ребенок, обиженный на весь мир. Вот кто у нас самый что ни на есть возмутитель спокойствия. И причина детская. Надо сказать отцу, что она на него очень обижена, пусть подарит ей большого медведя. И сделает это скорее. Странно, от какой мелочи бывает буря». Таня «отключилась» от девушки, открыла глаза.

– Да, кажется, я смогу помочь. Идите в другую комнату, я приду через пару минут, – сказала она, обращаясь к родителям. – Мне нужно вам кое-что сказать.

Родители покорно вышли. Дочь осталась на диване. Она была в трансе. Таня погрузила ее в забытие еще глубже, предварительно осторожно уложив на спину и аккуратно разместив руки вдоль тела. Вера как будто заснула тревожным, на грани яви, сном. Таня заглянула к родителям.

– Послушайте, у каждого из вас есть небольшие долги перед дочерью. Вам, – Таня обратилась к отцу, – надо купить ей большого пушистого медведя, помните, вы обещали ей привезти из плавания и забыли? Она так плакала! Даже в комнате заперлась. Лет этак семь назад?

– Да, но как?.. Откуда?

Таня только пожала плечами:

– Мне часто задают этот вопрос, но я ни разу на него не ответила. И не отвечу.

– Да, понятно... Вы же... Нам говорили, просто так неожиданно... Мы никому об этом не рассказывали... Казалось, ерунда, детская истерика. – Отец выглядел растерянным.

– А вы, – Таня перевела взгляд на мать, – не считайте ее, пожалуйста, лицемеркой. Она не лицемерка и не актриса, и тем более не лживая тварь. Она мультиплет. Человек с множеством личностей внутри. Я их соберу в одну компанию, но все равно она никогда не станет цельной. Ей после того, как я поработаю и уйдет зависимость от наркотиков, просто необходимо идти к психологу, знакомиться со всеми, кто у нее внутри. Я вам рекомендую... – Таня назвала адрес и телефон. – Кстати, его книги продаются почти во всех книжных магазинах. Советую, почитайте, будете лучше знать свою дочь.

– А это болезнь? – встревоженно спросила мать девушки. У нее было острое, нервное лицо человека, всегда готового к истерике.

Жесткие голубые глаза женщины смотрели с недоверием. Губы, чуть тронутые светлой помадой, всегда готовы поджаться в презрительной гримасе. Сейчас эти губы подрагивали. «Сложная, – подумала Таня, – и жесткая, трудно ей понимать девочку».

– Нет. Это особенность. В чем-то признак таланта и неординарности природы. Своего рода дар. Теперь слушайте меня внимательно. После того как я отработаю, вы в течение этого дня, желательно до заката, постараетесь уехать туда, где есть лес. Вам, наверное, рассказала ваша знакомая, которая дала мой телефон. У вас есть такое место?

Ответил отец:

– Да, это рядом с нашей дачей, мы все приготовили – и палатку, и спальные мешки.

«Серьезно подготовился, – подумала Таня, удивляясь его интуиции. – А ведь могло бы и не пригодиться». Вслух сказала:

– Тогда вы уже знаете от своей знакомой, что ночевать должны пять ночей в лесу, далеко от людей. И три дня избегать любых контактов с посторонними. Необходимо взять побольше питьевой воды. Девушку, возможно, будет рвать, не пугайтесь – тело должно очиститься. Чаще всего это происходит именно через рвоту, хотя не всегда. Бывало, человек просто беспробудно спит трое суток, но это в том случае, когда срок зависимости от наркотиков небольшой. А Вера ведь давно на игле?

– Да, – коротко кивнул отец.

– Тогда, полагаю, очищение будет болезненным. Потерпите. Все то, что будет «выходить», нужно зарывать в лесу, под осиной. Присмотрите осину заранее. Делать это надо будет быстро, просто сразу. На третье утро все закончится. После проживете в лесу еще два дня.

Без скандалов и ссор. Если получится – пристрастие уйдет навсегда. Но первые две ночи будет очень трудно. Вы готовы? И постарайтесь никому об этом не рассказывать, по крайней мере месяцев шесть – год. А лучше вообще не говорить. И будьте готовы ко всему. И слезы, и упреки, и старые обиды, и истерики – все будет. А возможно, случится и такое, что покажется вам странным и непривычным. Паранормальным. За рамками обычного. Не бойтесь – бояться нельзя. Надеюсь, вы понимаете, к кому вы обратились?

Мужчина тяжело вздохнул:

– Понимаем.

– Хорошо.

Женщина полезла в сумку.

– Нет, – сказала Таня, – деньги привезете после леса. Ту же сумму, что платила ваша знакомая. Теперь все. Я иду работать, когда закончу, вы с Верой сразу едете, куда я вам сказала. А сейчас садитесь и пейте чай.

И Таня вернулась в комнату. Она теряла счет времени, когда занималась таким сложным делом, как «соединение» души. Ее носило в водовороте чужих чувств и воспоминаний, било об острые углы боли, и продолжалось это ровно столько, сколько нужно тому, кому требовалась помощь. Ее никогда не прерывали. Вокруг возникала плотная оболочка энергий, никто не мог их побеспокоить, даже если б захотел. Ну вот, кажется, все. Ведьма коснулась лба девушки. Ощущение водоворота исчезло. Теперь Вера стала похожей на водоем с прозрачной водой и песчаным дном. Озеро. В нем водилось всякое, даже русалка с водяным. Девушке придется привыкать к тому, что все ее внутренние обитатели находятся в одном пространстве. Ну, это уже та магия, которую надо творить самому. Три дня в лесу – и начнет привыкать к «нормальной» жизни. Кажется, на этот раз лес не будет пугать, а даже одарит. Колдунье показалось, она знает, что это будет. Ну что ж, посмотрим. Таня вывела Веру из транса и позвала родителей.

– Теперь все. Езжайте с Богом! Получилось.

После их ухода Татьяна взглянула на часы. Пять. Долго она возилась с Верой! И времени как обычно не ощущала. Значит, кого-то ее работа с девушкой отодвинула на другой час или день.

Ну, ничего страшного. Даже хорошо, колдовство с Верой отняло много сил. Она сильно растратилась, осталось всего ничего – хватит еще, пожалуй, на одного или двух несложных клиентов. Не больше. Но лучше на одного. Таня несколько раз глубоко вздохнула, настроилась. Кажется, будет один клиент, по ощущениям – женщина. Вот-вот придет. Вроде последняя на сегодня. Ну и хорошо. И точно, пришла женщина. У нее оказалась «добротная» деревенская порча. Женщина уже много лет постоянно жила за городом. Как выяснилось, она поссорилась с соседкой, соседка оказалась вредной и «сделала». Женщина сразу почувствовала: что-то не так. Сначала чуть не передохли кролики, потом курочки, а потом и саму прихватило. Ну у нее же телефон дома есть, мобильный. Дочка подарила, она дочке сразу позвонила, дочка дала Танины координаты. Она и приехала. Таня попеняла деревенской жительнице за пустую склоку. В деревне надо жить миром, это не город, да и в городе тоже. Женщина согласилась, она сама уже жалела, что ввязалась в ссору. Таня сняла порчу, потом рассказала, как надо ограждаться от деревенской магии, посетительница расплатилась и ушла. Таня убрала деньги в кошелек, а десяток домашних яиц от выживших курочек – в холодильник и собралась уходить. Взглянула на любимые мамины электронные ходики с глазками, в которых никогда не забывала менять батарейки. Мать так сильно раздражали «мертвые» часы, что Таня усвоила эту привычку «железной Киры» и строго следила, чтобы ходики были «живыми». Половина седьмого. Неожиданно запищал мобильный телефон.

Звонил Глеб:

– Таня, ты сегодня за завтраком говорила, что встречаешься с подругой, агентом по недвижимости. Которая Вишневецкой квартиру сделала?

– Уже менеджером. Из агентов она выросла и гордится этим. Да, Глеб, встречаюсь, а что?
– Когда? У меня на сегодня все, я практически свободен, может быть, я к вам подойду?
Мне надо срочно решать вопрос с квартирой. После нового года светит командировка в Крым, не хотелось бы платить за съемное жилье лишние два месяца. Да и цены растут. Так что срочно нужна помощь. Твоя подруга, она ведь надежная, как я слышал?

– Надежная. Вишневская довольна. Хочешь к ней обратиться? Окончательно решил?

– Окончательно. Если даже Вишневская довольна, лучше специалиста точно не найти.

– Не язви. Подходи в восемь тридцать к кондитерской «Адамант», познакомлю с Марьяной.

– А может, лучше на Гороховую, в китайский ресторан? Заодно и поужинаем. Я угощаю.

– Хорошо, уговорил.

– Где вы сядете, чтобы мне не искать? Я предлагаю в углу, справа от входа. Садитесь туда, если будет свободно, и я вас сразу найду.

– Договорились.

Неожиданно в дверь позвонили. Татьяна подошла к двери: ого, трое! Кажется, те, кто договорились на время, «съеденное» работой с Верой. «О! Да они не просто так пришли», – Таня мгновенно почувствовала, как по рукам и ногам заструилось тепло, силы прибыло столько, будто она и не делала ничего, не лечила, не колдовала, а вышла из своего ЛЕСА в Купальскую ночь, когда токи земли переполняют и рвутся наружу. «Вот так сюрприз под конец дня!» – усмехнулась ведьма, открывая дверь. На лестничной площадке стоял солидный мужчина в дорогом костюме под кашемировым пальто нараспашку. На тяжелом мясистом лице посетителя нелепо поблескивали изящные очки в золотой оправе, удивительно ему не шедшие. Короткий мизинец правой руки, теребившей лацкан пиджака, украшала массивная печатка с бриллиантом. В неверном свете лестничных ламп бриллиант сверкал и переливался. За спиной посетителя маячили два высоких крепеньких парня с квадратными физиономиями. Оба молодых человека были одеты в темные неброские костюмы, обычные для «секьюрити», и одинаковые кожаные куртки.

– Здравствуйте, Татьяна Викторовна. Я был записан к вам на четыре, но случилась накладка – опоздал. Примете?

– Приму. Вы ведь ненадолго?

– Ну, это как получится.

– Получится недолго. Проходите.

Мужчина обернулся к одному из сопровождающих.

– Толик, побудь на лестнице.

Толик покорно кивнул. Он достал из крокодилового портфеля какой-то прибор с наушниками и протянул его второму сопровождающему.

Таня усмехнулась:

– Этого не нужно.

– Почему вы так уверены, Татьяна Викторовна?

Вместо ответа Таня легонько махнула рукой:

– Вы меня слышите?

Мужчина замотал головой, как будто вытряхивал из ушей воду.

– Что вы сказали? Я не слышу!

Таня еще раз взмахнула рукой. Посетитель перестал трясти головой и уставился на Таню:

– Как вы это делаете?

– Что?

– Ну это, со слухом! Минуту назад я ничего не слышал, как будто мне воды в уши налили, а теперь слышу прекрасно!

– А я разве что-то делала? Просто объяснила вам, что у меня в доме нет жучков. Ну не может их здесь быть. Зачем зря аппаратуру портить? Не станет она работать здесь. А вода в ушах – это вам показалось. Перепады давления. Проходите.

Посетитель и сопровождающий прошли в комнату. Ненужный прибор убрали обратно в помпезный портфель из кожи рептилии. Второй «бодигард» остался на лестнице. Таня не стала закрывать дверь на замок, а только прикрыла. Легче будет гостям выходить. Когда она вернулась в комнату, мужчина удобно расположился в кресле у стола. Таня села напротив, взяла в руки карты.

– И что же вы хотите узнать?

– А почему вы решили, что я пришел что-то узнать?

– Ко мне приходят за знанием. Иногда о себе, иногда о других, а иногда о мире, так ли он прекрасен, как о нем говорят. И узнают.

– Шутите?

– Нет. Совершенно серьезно. Спрашивайте.

– Видите ли, Таня... Можно я буду вас так называть? Я ведь старше вас?

– Можно.

– Ну и замечательно. Видите ли, Таня, у меня есть одна серьезная проблема. Мне хотелось бы узнать, как она разрешится.

Таня протянула ему темные карты.

– Дотроньтесь до колоды. Снимать не надо. Просто прикоснитесь.

Рука мужчины послушно потянулась к колоде. Едва пальцы посетителя дотронулись до карт, Таня отчетливо увидела, как поле вокруг руки окрашивается в алый цвет. Что скажет колода, Таня поняла еще до того, как перевернула рубашки.

– Ваше время вышло. Я не могу вам помочь. Вам нужно привести свои дела в порядок, обеспечить жену и детей и принять свою долю.

– Какую? Какую долю? – Голос мужчины взвился почти до визга, налился мгновенно невесть откуда взявшейся злостью. Скорей всего, он целый день был на взводе, и напряжение легко прорвалось сквозь напускную вальяжность. А кого стесняться-то? Ведьмы?

– Вы все знаете. Слишком много за вами... всего. Предел есть предел, вы свой переступили. Есть человек власти, знающий о вас практически все, и вы не можете ему помешать. Партия сыграна, на ваше место на шахматной доске жизни давно метит другой.

– Это я и без тебя знаю, ведьма! Мне помощь нужна.

Лицо мужчины покраснело, кулаки сжались. Таня почувствовала, как в ней опять вскипает сила. И парень с квадратным лицом тоже что-то ощутил. Он опасливо покосился на женщину, руки его невольно потянулись туда, где спрятано оружие. Таня усмехнулась.

– Какую помощь?

Она-то знала какую. Очень хорошо знала, за чем ТАКИЕ приходят. Просто хотела, чтобы мужчина сам произнес, выговорил, выплюнул САМ то, что сейчас душило его.

– Изведи его! Так, чтобы ни одна гадина не подкопалась! Ты можешь, я знаю! Мне верные люди говорили.

– Могу.

Татьяна внимательно посмотрела в глаза посетителя. Ей всегда было интересно, как ведут себя люди, пришедшие к ней за чужой жизнью. Каждый раз по-разному. Иногда угрожали, иногда торговались. Но неизменно уходили ни с чем. Посетитель достал увесистый бумажник.

– Сколько? Я готов дать любой аванс.

– Нисколько.

– Даром что ли убьешь?

– Вообще не убью. Не хочу.

– Так захоти! Хочешь, помогу? У тебя любовник мордой на телевидении светит? Так можно мордашку ему так попортить, что его и в уборщики не возьмут. Муж у тебя бывший издательство держит? Справочники и словари издает. Доходное дельце! И ему кислород перекрыть не проблема. Да и сынишка у тебя имеется. Имеется? Умница, хороший мальчик! В университет поступил, да еще и на госотделение. Способный. Не жалко тебе? Не боишься за родных-то?

– Некого мне бояться. И нечего. Ни тебя, ни псов твоих. Уходи.

И уже про себя добавила: «За Аринку я рассчиталась, за себя тоже могу постоять».

Аринка была подруга. Ясновидящая. Настоящая. Немного сумасшедшая. Да что там немного! «Крыша» у Арины Смирновой ехала капитально! Особенно на любви. Влюбилась в «криминального» мальчика, помогала ему «работать». Когда опомнилась, прибежала к Тане. Та направила ее в деревню, к бабе Зине, но Аринка не успела, замешкалась, задержалась на день. Ее нашли в подъезде, задушенной шарфом. А потом Таня нашла всех. И того, кто приказал, и того, кто исполнял. Она шла по следу как одержимая, как собака или волчица, сейчас даже вспомнить невозможно, кем она была тогда – человеком или зверем. Потом гнев кончился. Осталась боль. И сожаление. Тогда она еще не умела управлять собой, как сейчас. Сила переполняла ее. Настоящая сила. Хвост истории еще тянулся, не давая Тане забыть ее гнев и безумие. По «хвосту» и приходили такие «клиенты».

– Вот ты как! А пули серебряной тоже не боишься?

Мужчина неожиданно достал из кармана револьвер старого образца. Кажется, «Вальтер». Таня точно не знала, она не разбиралась в оружии (ни к чему), но пистолет с серебряными пулями развеселил ее окончательно. Насмотрелись кино! Нахватались по верхам! Ведьму от оборотня отличить не могут! Хотя откуда им знать? Из романов-фэнтези? Не читают-с! Сила вскипела в ней, как пузыри в шампанском. Татьяна громко и заразительно расхохоталась. Не роковым смехом киношной колдуньи, а так, как смеется обычная молодая смешливая женщина. До слез. Когда смех прошел, Таня махнула рукой перед лицом, как будто смахивала паутину. Пистолет со стуком упал на стол.

– Пистолет-то руки держат! А что у тебя с ручками? Не слушаются?

Мужчина дернулся. Руки повисли плетью. Подвигал плечами, конечности болтались, как веревки.

– Ведьма! Леша!

Таня еще сильнее зашлась от хохота:

– Ведьма. Он сказал: «Ведьма!» А кто же еще-то?!

Охранник находился не в лучшем положении. Его могучие руки тоже висели вдоль тела абсолютно неподвижные, как у босса. Выпучив глаза, он открывал и закрывал рот, как зеркальный карп, вытасченный из воды. Во взгляде, тоже совершенно рыбьем, грязным комом застрял ужас. Таня собрала карты.

– Сеанс окончен. Все, что вам нужно знать, вы, Григорий Петрович, знаете. Не ошиблась с именем-отчеством? – Татьяна заглянула за золотые очки в глаза посетителя, тот кивнул, – не ошиблась. – С вас пятьсот долларов за информацию. Сейчас правая ручка включится, доставите и положите на стол. Этот урок дорого стоит.

Мужчина подчинился. Когда деньги лежали на столе, Таня подошла и взяла их.

– Ну вот и отлично. Тебе – твое. Мне – мое. После этих слов рука Григория Петровича опять безжизненно повисла и сползла со скользкой шелковой скатерти.

– А что с руками-то делать?

– С руками? Не знаю. Лечить, наверное, долго и мучительно. Может, и поможет кто. А вот я бы посоветовала прийти домой, лечь в теплую джакузи, включить пузырьки, и чтобы жена Леночка села рядом на стульчик, открыла Новый Завет и почитала вам десять заповедей.

Раз сто примерно. Ручки и отходить начнут. А тебе, Лешенька, пусть мама почитает. Перед сном. Она ведь у тебя верующая?

Леша кивнул. Его босс опять стал краснеть, но сдержался.

– Сама-то, ведьма, Бога не боишься? Не тебе про него говорить.

– Нет, бандит, не боюсь. Я Бога люблю. Он меня Сам такой создал. Я перед ним и отвечу. Когда мое время придет. А кому про кого говорить... не тебе решать. Отвыкай решать, Григорий Петрович, за тебя уже все решили.

– Бог, говоришь, тебя создал? Что-то не похоже!

Таня нехорошо усмехнулась:

– Ты, я вижу, больше в дьявола веришь? Что ж, по тебе заметно.

Мужчина встал, они с Алексеем направились к двери. Их покачивало. Таня коснулась сознания парня за дверью, почувствовала, как он вздрогнул и очнулся от дремы. Сказала вслед уходящим:

– А все-таки, Григорий Петрович, человек ты не пропащий. Не лезь ко мне больше. И псов своих не посылай. – Она кликнула охранника за дверью: – Эй, Толик. Так ведь тебя зовут? Зайди, пистолетик со стола заberi. Мне он без надобности. Впрочем, и тебе, если подумать, тоже. Выкинул бы, а то доиграешься... Как бы потом жалеть не пришлось.

Толик, испуганно озираясь, взял со стола оружие. Татьяна закрыла дверь. Да, дорого стоила история с Ариной. Дорого. Показалось, что воздух в квартире стал невыносимо плотным. Хоть ножом режь. Нечем дышать. Татьяна распахнула окно. В дом шагнул и уличный шум, и запах города... Да, денек сегодня выдался... А впрочем, все равно ничего нового: любовь, зависть, жажда власти. «Людское», – как любила говорить Зинаида Никифоровна, баба Зина. Единственный человек, которому сегодня по-настоящему пригодилась ее Сила, была девушка по имени Вера. Но если бы ее отец чаще бывал дома, а мать была менее жесткой, им бы вообще не надо было приходиться к Татьяне. Будь в их семье достаточно внимания и любви к дочери, Вера сама бы постепенно собрала себя в одно целое. Таня захлопнула окно и, набросив на плечи пальто, вышла, закрыв за собой тяжелую входную дверь. Щелкнули замки. Спускаясь по выщербленным ступеням старой лестницы и случайно коснувшись перил, она заметила, что под руками что-то пощелкивает – с кончиков пальцев соскакивали искры и падали звездочками в яму лестничного пролета. Нет, никакой машины! Пешком, только пешком. Ветер с канала – лучшее лекарство.

Глава третья

Воспоминания

На улице стало легче. Она перешла мост и медленно пошла по набережной «канавы». Так называли канал Грибоедова, до революции избегая пафосного названия «Екатерининский». Канавы и есть. Кривая, извилистая, с грязной водой цвета кока-колы. Сырой воздух остудил ее разгоряченное лицо. Сейчас она встретит Марьяну и даже не сможет ей ничего рассказать. Нельзя. Не нужно. В такие минуты Таня особенно остро ощущала свое одиночество. Знание, которым она обладала, было тайное, дела ее лежали в тени, и это неизменно отделяло ее от мира близких ей людей невидимой, но очень прочной стеной. Иногда хотелось плакать. Редко. Очень редко. Последний год слезы не приходили. Приходила тоска, привычная, как старая подруга. Женщина встала у парапета и закрыла глаза. В голове зазвучало: «Таня! Таня!» Да, уже скоро. Скоро... Боже мой! Когда все это началось? Очень давно. Четырнадцать лет назад. В прошлой жизни.

Тогда Таня приехала отдохнуть в деревню к тетке ее бывшего мужа, Валеры Вешкина. У нее был большой дом, по меркам того времени просто громадный. Двухэтажный, с двумя печами – русской и голландской, большой огород, сад со старыми яблонями. Тетка Маша жила помещицей. Валеру и его старшую сестру Ольгу она любила и привечала. Единственная дочка тети Маши Галина жила в Германии, там ее муж работал по контракту. Потом Галя и вовсе совершила ПОСТУПОК – полюбила западного немца и поменяла Родину на любовь. Ее муж Вовчик, вялый, как тюлень, даже не препятствовал. Тетя Маша, не надеявшаяся понять своих внучат, охотно возилась с внуками сестры. Таня ей сразу понравилась, еще на свадьбе. Все семейство Вешкиных и не надеялось, что Валерочка когда-нибудь женится и заведет ребенка. И не потому, что не хорош собой, отнюдь, а по причине крайней любвеобильности, о которой в семье ходили легенды. Проще говоря, сестры Маша и Нина, мама Валеры, считали, что «с таким кобелем, как Валерка, никто не уживется».

И вправду, когда Таня познакомилась с Вешкиным, его окружало великое множество женщин. Ему даже из дома не надо было выходить, девушки сами названивали. Хотя в категорию красавцев Валера не попадал. Обычный высокий, кареглазый, чуть лысеющий шатен. Симпатичный, но ничего выдающегося. «Орлы» Лютов и Глеб куда эффектнее. Но рядом с Валерой оба писаных красавца, Сашка и Титов, все-таки проигрывали. Незамысловатый Вешкин до сих пор обладает редкой, необъяснимой притягательностью, свойственной только закоренелым бабникам. Она-то и делает его совершенно неотразимым для дам самого разного возраста вот уже много лет. Даже сейчас, когда бывший муж облысел, как колено, и пообтрепался, представительницы прекрасного пола делают на него «стойку», как только Валерий Павлович входит в комнату. В чем секрет? В темпераменте? В искреннем интересе к женщинам, всем без исключения? В снисходительности к причудам и недостаткам? Возможно. Но если сравнивать типажи, то Лютов с Титовым скорее Дон Жуаны, а Валера – Казанова. Дон Жуан внутри холоден и расчетлив, а Казанова горяч и наивен. Ему нравятся женщины как вид. Может, поэтому они так щедро платят ему взаимностью? Типаж Дон Жуана манит адреналиновым влечением к опасности, а Казанова – удовольствием приятного приключения. Скорее всего. Но легко ли жить с Казановой? Поначалу не очень. Зато такая жизнь может раз и навсегда излечить от ревности. Таня тоже ревновала, но быстро поняла, что Валеру не переделаешь, и приняла мужа таким, какой он есть.

Познакомились они своеобразно. Татьяне было всего семнадцать, стояло лето. Выпускной вечер. Танин класс переместился из душевной школы на квартиру одноклассника. Таня заскучала – танцевать негде, почти весь класс разбился на парочки, которые жмутся по углам

большой квартиры. Даже поболтать не с кем. Парнем к окончанию школы, как большинство девочек из ее класса, она не обзавелась: ей не нравились ровесники. Она собралась домой. Два невезучих «ботаника» вызвались проводить. Но Таня ловко отвертелась, соврав, что папа и мама встретят. Уже ждут. Она с детства ничего не боялась. Быстро бегала, высоко прыгала, имела хорошо тренированное тело – сказывался опыт занятий художественной гимнастикой и акробатикой. Мама-тренер пыталась в свое время вырастить из Тани звезду, но, столкнувшись с полным отсутствием у дочери честолюбия и спортивной злости, плюнула. Сказала только: «Не бросай, ходи для души, пока совсем не надоест». Таня долго занималась у мамы, потом как-то заглянула в зал, где тренировались акробаты, и «заболела» батутом. Ее охотно взяли – среднего роста, легкая, но Татьяна разочаровала тренера тем, что совершенно не стремилась к вершинам. Ей просто нравились высокие прыжки, а точнее – чувство полета. Впрочем, к десятому классу ей и вправду все надоело. Она ходила в секцию нерегулярно, под настроение – поддержать форму, полетать, попрыгать. И все. Постоять за себя или убежать ей было совсем не сложно. И еще она любила ночь. Сколько себя помнит, Таня всегда любила ночь. Особенно летнюю. Никогда не боялась темноты, луна в полнолуние казалась ей удивительно прекрасной и манящей. На даче Таня могла полночи просидеть на подоконнике в мансарде и смотреть на луну.

В эту ночь тоже случилось полнолуние. Воздух стоял такой теплый и густой, так сильно пропитанный запахом цветущей сирени, что казалось, по этому воздуху можно подняться на небо. Таня, дойдя до пустой остановки автобуса, осторожно присела на старую деревянную скамейку, выкрашенную в задорный светло-голубой цвет, и принялась ждать неизвестно чего. Может, лестницы до самой луны. А может быть, последний автобус, что подвезет бывшую школьницу до дому, потому что пешком ей идти лень. Неожиданно к остановке подъехала темно-синяя машина, «Жигули» седьмой модели, как все говорили, – «семерка». Из машины высунулся симпатичный мужчина лет тридцати и приятным голосом спросил:

- Девушка, я вас знаю?
- Кажется, нет, – ответила Таня.
- Тогда давайте подвезу.
- Давайте. Только мне недалеко.
- Ну и отлично.

Таня села в машину без раздумий. Так они и познакомились. Валера сначала действительно подбросил ее до дома. Но уже у самого подъезда они оба решили, что поедут кататься: ездили по городу, болтали, потом зашли к Вешкину попить чаю. Именно тогда Валера и понял, что Тане всего семнадцать. Разглядел. И решил не связываться. Препроводил к родителям. Но когда они остановились в квартале от Таниного дома поболтать напоследок, их кинуло друг к другу, и они стали целоваться. Наконец Валера оторвал ее от себя и сказал: «Все, иди домой». Таня написала на старой газете, лежавшей между сиденьями, свой телефон и бросила газету Валере на колени. Почему-то уже понимала: не позвонит. Хотя надеялась.

Дома ее ждала хорошая взбучка – звонила мать одноклассника, «хозяина банкета», спрашивала: хорошо ли доехала Танечка? Взбешенная мать какое-то время допытывалась, где она была и с кем, но Таня ничего не рассказала. Отделалась общими фразами: ходила, гуляла. Впрочем, гнев домашних быстро утих, девочка вернулась жива, здорова – значит все в порядке. Месяц Таня ждала звонка и готовилась к вступительным экзаменам. Сдала легко, в то время поступить в технический вуз не составляло проблемы. Пока мысли занимала учеба, ожидание мучило не сильно, в последнюю же неделю августа, когда экзаменационная лихорадка схлынула, стало совершенно невыносимо. Тело Тани проснулось и не давало ей спать по ночам. И однажды, как собака по следу, она нашла дом Валеры. Просто побрела по району, вспоминая их ночной маршрут, и все получилось. Тело подсказало. Дом, подъезд, квартиру. Подошла к двери. Послушала. Постояла. Записала адрес. По адресу в справочной службе узнала телефон,

тогда услуга еще существовала. И позвонила. Она была уверена – он забыл, что не давал ей номер. И не ошиблась. Валера всего-то и спросил, почему не позвонила раньше. Она соврала, что бумажка с телефоном завалилась за подкладку в сумочке. «Врешь, – сказал Валера, – у тебя и сумочки-то не было, трусила просто». Мелькнула мысль: «Соглашайся, пока не расколлол». Она подыграла: «Да, трусила». – «А сейчас что звонишь? Хочешь приехать?» – «Да». – «Приезжай». Ночь на улице. Мама на сборах, отец в командировке, бабушка на даче. Свобода! В шкапушке в баре семейные деньги на всякий пожарный. Она взяла на такси. Вытащила из шкафа лучшие вещи, надела самое красивое белье (импортное, мама привезла), надушилась мамиными духами и отправилась в ночь. К практически незнакомому мужчине. Так все и началось. Для Тани совершенно естественно. Впрочем, в ее доме отношение к сексу никогда не было ханжеским. Нет, с ней никто об этом не говорил, просто мама, будучи хорошим, грамотным тренером, в изобилии покупала научные и научно-популярные брошюры по физиологии и сексуальной жизни, они стояли на полке в книжном шкафу на свободном доступе. Таня, естественно, их читала. Родители учитывали, что девочка однажды вырастет. Вот это и случилось. Может быть, папа с мамой и не осудили бы Татьяну, но посвящать их в свои дела она не стала. Танюша, по словам мамы, вообще была девочка в себе. В мир желаний эта «девочка» вошла легко, как здоровый ребенок в воду. Советовалась с умными книжками и полностью полагалась на опытность партнера. Ей нравилось все. Валере тоже. Хотя раньше ему не приходилось иметь дело с такими неопытными девушками, как Таня. При всей своей искушенности наставником Вешкину бывать не приходилось. Он к этому никогда и не стремился. Его вообще мало интересовали девственницы – «возиться неохота». Но возиться с Таней оказалось интересно. Теперь он ощущал себя Колумбом небольшой Америки. Или инструктором по плаванию. И это заводило. Тем более что Таня училась искусству любви с удовольствием, охотно прогуливая лекции. Женится, не женится – все равно. Нравился процесс. Но однажды, когда, отравившись в студенческой столовой винегретом, ее стошнило в новый Валерин унитаз, Вешкин неожиданно предложил ей выйти за него замуж. Таня успокоила его, сказав, что не беременна. Пару дней назад был обязательный медицинский осмотр, и все девочки посетили гинеколога. В том числе и она. Все в порядке. Можно не беспокоиться. Но Валера, слегка напрягшийся вначале, потом, когда они лежали, обнявшись в теплой ванне, задумчиво сказал:

– Знаешь, мне, кажется, жаль, что ты не беременна. Удивительно, но я не против. Хотя не уверен, что люблю детей. Во всяком случае, пока ты единственная, от кого я стерплю ребенка.

Они поженились, очень удивив родителей Татьяны: они и не догадывались, что у девочки роман. Через два года родился Гошка. Валера оказался хорошим отцом. И мужем неплохим. Таня совсем не ощущала его измен. Может быть, они и случались, даже скорей всего случались, но Валера никогда не унижал Таню. Берег. Татьяна это ценила. Постепенно совсем разучилась ревновать. В конце концов, молодой, самоуверенной и не обделенной мужским вниманием женщине не так уж трудно погасить «пламя ревности», тем более когда муж не подбрасывает поленьев в этот костер. Наверное, Валеру она любила сильнее всех своих мужчин. Если честно, только его и любила. Любила-любила и разлюбила. Однажды утром. Сидя на ручке кресла, почти на коленях у мужа, вдруг увидела морщинки у него под глазами. Валера был старше Тани на тринадцать лет, но до этого утра она не замечала ни морщинок, ни ниточек седины на висках, ни растущей лысины. А тут заметила. И поняла – все. Прошло. Они расстались ровно через год. Просто разошлись. Оба так и не смогли смириться с тем, что волшебство ушло. Разошлись вполне по-человечески, даже квартирный вопрос решили достойно. Таня с Гошкой остались в трехкомнатной квартире, они выменяли ее после рождения сына, а Валера путем сложных родственных обменов с бабушкой оказался в двухкомнатной. Бабушка стала жить с Таней. Свекровь решила, что во всем виноват Валерин «кобелизм», и на Татьяну не сердилась, будучи в курсе походов Вешкина и до брака, и в браке. Молчала. Тоже берегла семью как умела. Отношения не испортились, да и с чего бы им портиться, если невестка ни дня не жила

вместе с Ниной Васильевной? Все осталось почти как было. Бывший муж приезжал к сыну, забирал на выходные. Они до сих пор часто видятся, тепло и ровно общаются. Но у нее своя жизнь, у него своя. Хотя нет, их отношения с Валерой навсегда оставались особенными. Нежными. И Вешкин, и Татьяна ни до ни после не пережили больше ничего подобного. Потерянная страсть разделяла и соединяла их, как заговорщиков. Они бережно хранили память о том, чего другие так и смогли им дать. Общий с Валерой секрет – любовь-страсть, плод которой – рыжий большеротый Гошка – делал их пожизненными родственниками и оправдывал перед другими партнерами их затаенную нежность друг к другу.

А тогда, в теплое ягодное лето, когда Таня с сыном приехали на Псковщину, в Лукино, она и предположить не могла, что они с мужем расстанутся. Татьяна и ехать не хотела, рвалась на дачу, в старое садоводство на берегу неглубокой речки. Поближе к городу и мужу. Вешкин уговаривал: «Танька, ты что! Там такое озеро! Такой лес! Родники! И участок с домом громадные! Поживешь в настоящем имении! После про свой курятник и думать забудешь! Тетка шесть лет строилась! Взятку заплатила за лишние метры море, а теперь и показать некому! Поезжай, не пожалеешь!» И Татьяна поехала. И, правда, не пожалела. Она жила у тети Маши в роскошном деревянном доме на втором этаже, Гоше выделили отдельную комнату, светелку с видом на сад. Тетке Маше приносили молоко и сметану и за глаза называли барыней. Деревню окружал большой дремучий бор, богатый черникой, земляникой, малиной и, если верить деревенским байкам, лешими, кикиморами и ведьмами. Правда, ведьмы оказались не только в лесу. Рядом с усадьбой тети Маши, стоящей на краю села, соседствовал дом симпатичной пожилой женщины Зинаиды Никифоровны, которую все деревенские почитали за колдунью. Настоящую, без дураков. Побаивались. Но жителей Лукино Таня считала слишком уж суеверными. Ей и в голову не приходило бояться похожую на учительницу на пенсии бабу Зину. Хотя и вправду в ее аккуратной избе все было завешано какими-то травами, сушеными корешками. Один раз Гошка перекупался в речке, затемпературил, и тетя Маша отправила ее к бабе Зине за травой. Зинаида Никифоровна травку дала, даже сама отвар сделала. Гошка поправился быстро, буквально в три дня, чего раньше за болезненным городским ребенком не водилось. Таня отблагодарила женщину. Не деньгами – денег та не брала, отнесла несколько банок дефицитного тогда зеленого горошка, твердого сыра и копченой колбаски. Зинаида Никифоровна подношения приняла с удовольствием, а Таню стала привечать. Всегда здоровалась, спрашивала, как дела, тепло спрашивала, с интересом. Соседи даже коситься начали. Стали поговаривать: нашла ведьма себе ученицу, городскую, свои, видать, не подошли. Таня только посмеивалась. Но, если быть честной, ее все сильнее и сильнее тянуло заглянуть в эту странную избу к приветливой колдунье. Что-то такое проступало в этой вежливой пожилой соседке, вызывавшее у Татьяны интерес. Может быть, слово «ведьма»? Ведьмы представлялись ей всклокоченными старухами на растрепанных метлах, а тут чистенькая и даже какая-то не совсем деревенская женщина. И Таня стала заглядывать к бабе Зине. Наблюдала, как она составляет травяные сборы, иногда гадает на старых затертых «цыганских» картах. Самое удивительное, рядом с ней Таня чувствовала себя очень уютно и комфортно! Как будто знала Зинаиду Никифоровну давно. Или была ее любимой племянницей. Как с тетей Машей, что в ней и в Гошке души не чаяла. Это удивляло, потому что Татьяна ничуть не тяготилась обществом самой себя и маленького сына. Она даже по Валере не особенно скучала. В городе, конечно, оставались подруги, но, сколько себя помнит, Таня всегда радовалась летней передышке в общении с ними. Она вообще редко с кем-либо сблизилась, а тем более с теми, кто старше. Привычка быть «в себе» сформировалась с детства. Но здесь, в этой чистой избе, она становилась открытой, как дома. Лучше чем дома! Здесь она ощущала непонятный покой и защищенность, как будто не надо выстраивать вокруг раковину доброжелательного отчуждения. Примут такой, какая есть. Не обидят, даже более того – будут любить и лелеять. Странно, непонятно, но ничего плохого Таня в этом не находила. Грелась и наслаждалась. Зинаида Никифоровна так откровенно радовалась,

что Татьяне даже захотелось угодить женщине, проявить уважение, и она попросила научить ее распознавать целебные травы и делать отвары и настои. Пообещала, что будет стараться. Впрочем, старания не требовалось, все запоминалось само собой. Постепенно она пришла к выводу, что траволечение ей помогает больше, чем традиционная медицина. И ее сыну. А в колдовство не верила.

Но то, что случилось в самом конце лета, пошатнуло ее неверие и материализм, воспитанные матерью. Таня пошла в лес за грибами. Она давно ходила одна, не боясь заблудиться, иногда брала с собой Гошку. Таня не боялась леса. Ей всегда удавалось найти дорогу домой, где бы она ни находилась. В тот день она увлеклась и сошла со знакомой тропы... Заманили подосиновики, стояли россыпью под молодыми осинками, крепенькие, один к одному! Лес был сух и прозрачен, золотые заплата первых осенних листьев расцвечивали кудрявые шевелюры берез, шелестящие кроны осин вспыхивали рубиновыми пятнами, в воздухе носилась паутина с маленькими паучками-путешественниками. На высоких, теплых от солнца кочках созрели верхние ягоды брусники, и ее нежная горечь освежала рот.

Незнакомка возникла ниоткуда. Как она подошла, Таня не заметила. Просто подняла голову от очередной брусничной кочки и увидела. Женщина стояла прислонившись к шелковистому стволу пожилой березы и улыбалась. Русоволосая, с молодым веснушчатым лицом, с яркими каре-зелеными, болотными глазами. Такими, как у Тани. Татьяна больше ни у кого не видела таких глаз, даже родственники удивлялись, как это она такая получилась. Не похожа ни на кого, с медным отливом в русых волосах, с «ведьмиными» переливчатыми глазами непонятного цвета. Только веснушек у нее, в отличие от незнакомой женщины, было поменьше. Немного на носу, чуть-чуть на щеках, будто светлой крупномолотой корицей посыпали. Женщина молчала, пристально разглядывая Татьяну, которая почему-то не испытывала никакой неловкости от этого взгляда, даже наоборот. Странное тепло разливалось по рукам и ногам, хотелось подойти и встать рядом, прижаться, как в детстве к маме. Хотя какая мама! Ровесница, ненамного старше Тани, и одета как она, в легкие хлопчатобумажные брюки, мужскую рубашку с длинным рукавом, резиновые сапоги. На голове – белая косынка в черную крапинку. Таня глядела на нее сквозь ресницы; когда она пыталась всмотреться в ее лицо, оно будто теряло фокус, линии расплывались, как в мокром стекле. Женщина подошла ближе. Улыбнулась.

– А ты наша... Откуда? Я всех деревенских знаю. Не Зинаиды ли родственница?

– Нет, не родственница. Я здесь у тетки мужа в гостях. А что значит «ваша»?

– Узнаешь... Время придет. Тебя ведь Таней зовут? И сынишка у тебя маленький? Пять годков ему всего-то. Так?

– Так. А как вы узнали? Я в деревне вас никогда не видела.

– Догадливая я. Ладно, Таня, прощай до поры. Я тебя запомню.

Женщина развернулась и стала удаляться в глубь осиновой рощи. Таня окликнула:

– Постойте! Вы кто?

Но незнакомка уже исчезла, словно растворилась в серых стволах. Налетел ветер, заслезились глаза, Таня сморгнула, вокруг – только осины в пятнах августовского солнца на трепещущих листьях. И никакой незнакомки, похожей на нее, как родная сестра, которой у нее никогда не было.

Когда она пришла домой с полной корзинкой крепких боровиков и подосиновиков, то отложила в миску грибов на солянку и отправилась к Зинаиде Никифоровне. Таня давно обещала ей принести «красненьких с беленькими», сегодня ее добыча радовала обилием молодых, не червивых грибов. Не грех и поделиться, а тем более похвастаться.

Грибам баба Зина обрадовалась – так часто, как Тане, ей в лес ходить не удавалось. Огород, коза, да еще и деревенские захаживали подлечиться. Велела Татьяне накопать молодой картошки и принялась готовить солянку. Таня накопала, затем принялась скоблить скользкие

крепкие клубни, наблюдая за тем, как Зинаида Никифоровна управляется на кухне. Из головы не шла странная незнакомка. Пожилая женщина поставила в раковину дуршлаг с приваренными грибами и пристально посмотрела на Таню:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.